

Savitskii, P. N. (2002) Evraziistvo. In: *Osnovy evraziistva* / ed. by A. G. Dugin. Moscow, Arktogetya Tsentr. Pp. 266–280. (In Russ.).

Sergeev, S. (2019) Glavnyi vrag Rossii — elita strany, schitaet Yakov Kedmi. *Lentacel.ru* [online] Available at: <https://lentacel.ru/news/2019/02/04/glavnyy-vrag-rossii-elita-strany-schitaet-yakov-kedmi.html> (accessed: 15.04.2020). (In Russ.).

Smirnov, A. V. (2019) *Vsechlovechekoe vs obshchchelovecheskoe*. Moscow, ООО «Sadra»: YaSK. 216 p. (In Russ.).

Trubetskoi, N. S. (1920) *Evropa i Chelovechestvo*. Sofiya, Rossiysko-bolgarskoye knigoizdatelstvo. 82 p. (In Russ.).

Turchina, S. Kolichestvo bezrobotnykh v SShA dostiglo 50 mln (2020). *Marketinfo.pro* July 9 [online] Available at: <https://marketinfo.pro/news/kolchestvo-bezrobotnyh-v-ssha-dostiglo-50-millionov> (accessed: 15.07.2020). (In Russ.).

Ukaz o natsional'nykh tselyakh razvitiya Rossii do 2030 g. ot 21 iyulya 2020 g. (2020). *Prezident Rossii*. July 21 [online] Available at: <https://www.kremlin.ru/events/president/news/63728> (accessed: 13.07.2020). (In Russ.).

Fursov, A. (2017) *Mirovaya bor'ba. Anglosaksy protiv planety*. Moscow, Knizhnyi mir. 530 p. (In Russ.).

Menachery, V., Yount, B., Debbink, K., Agnihothram, S. et al (2015) A SARS-like cluster of circulating bat coronaviruses shows potential for human emergence. *The Nature Medicine*, no. 21, pp. 1508–1513 [online]. Available at: <https://www.nature.com/articles/nm.3985> (accessed: 18.05.2020).

Submission date: 28.07.2020.

Крылова Ирина Анатольевна — доктор философских наук, ведущий научный сотрудник сектора философских проблем политики Института философии РАН. Адрес: 109240, Россия, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1. Тел.: +7 (495) 697-91-89. Эл. адрес: tatyanawings@gmail.com

Krylova Irina Anatolyevna, Doctor of Philosophy, Leading Research Fellow, Sector of the Philosophical Issue of Politics, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. Postal address: 12, Bldg. 1, Goncharnaya St., Moscow, Russian Federation, 109240. Tel.: +7 (495) 697-91-89. E-mail: tatyanawings@gmail.com

DOI:10.17805/zpu.2020.3.9

«Россия, которую создал Петр Великий, не умеет ни жить, ни учиться, полагаясь на самое себя»: А. де Кюстин как критик петровской европеизации

Д. Э. ЛЕТНЯКОВ
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ РАН

В статье анализируется известная книга А. де Кюстина «Россия в 1839 году». Показано, что, помимо устоявшихся интерпретаций этой работы (как примера ориенталистской литературы; как текста, содержащего жесткую критику России и русских политических порядков, и т. д.), возможно и совсем другое ее прочтение.

Автор демонстрирует, что Кюстин оказался конгениален многим российским интеллектуалам того времени, в том числе мыслителям славянофильской ориентации, в оценке деятельности Петра I и постпетровской России. Наиболее острая критика Кюстина направлена прежде всего не на Россию как таковую, но на формальную, «фасадную» европеизацию, за которой скрываются совсем незападные взаимоотношения власти и общества, а также внутренние основания жизни людей.

Будучи консерватором, Кюстин убежден, что только опора на «национальный дух во всей его самобытности» поможет русскому народу продвинуться в направлении не верхушечной, а подлинной цивилизованности; ему был весьма близок самобытный дискурс «возврата к корням». Кроме того, французский писатель точно схватил многие аспекты амбивалентного отношения России к Западу, актуального до сих пор: соединение комплекса неполноценности с чувством собственного превосходства, желание противостоять Европе и полная зависимость от нее в нормативном смысле (Запад как «ключевой Другой» для России, как референтная точка большинства отечественных интеллектуальных дискуссий) и т. д.

Таким образом, новое прочтение книги Кюстина позволяет в очередной раз обратиться к ключевым проблемам российской идентичности и исторического развития.

Ключевые слова: А. де Кюстин; Россия; Европа; славянофилы; западники; вестернизация; российская идентичность; империя-субалтерн

ВВЕДЕНИЕ

Книга маркиза Астольфа де Кюстина «Россия в 1839 году» хорошо известна и в нашей стране, и на Западе. Ее иногда сравнивают с работой другого французского аристократа — Алексиса де Токвиля «Демократия в Америке», написанной на несколько лет раньше. Токвиль отправляется в США вскоре после революции 1830 г., которая вместо консервативных Бурбонов посадила на французский трон Орлеанскую династию. Уверенный, что мир живет «в эпоху великой демократической революции», что «та самая демократия, которая господствовала в американском обществе, стремительно идет к власти в Европе» (Токвиль, 1992: 27), Токвиль пересекает Атлантику для того, чтобы воочию увидеть, как работает демократия. Сам он при этом остается убежденным в превосходстве конституционной монархии, основанной на власти закона и опирающейся на сильный аристократический элемент, перед демократическим устройством с его «равенством условий» и «господством посредственностей». Кюстин же, снискав к моменту своего российского вояжа определенную литературную славу публикацией путевых заметок об Англии, Швейцарии, Италии и Испании (последнюю книгу высоко оценил Бальзак), едет в николаевскую Россию, будучи сторонником неограниченной монархии. Как пишет американский исследователь М. Малиа, Кюстин захотел увидеть общество, «не зараженное революционным вирусом, который подтачивал Европу» (Malia, 1999: 98). Таким образом, Токвиль и Кюстин отправляются из старой Европы в молодые, как тогда считалось, страны; первый — чтобы понять, какое будущее ожидает Запад, второй — чтобы найти дополнительные аргументы в пользу того прошлого, с которым Европа стремительно расставалась.

Последующая судьба этих двух книг сложилась, конечно, по-разному. «Демократия в Америке» стала одной из самых известных политико-философских работ и, пожалуй, самым известным исследованием американской политики. Сегодня она по-прежнему в списке *must-read* («обязательного к прочтению») для всех, кто занимается политической теорией. Несмотря на всю популярность, место книги Кюстина в истории гораздо скромнее. Тем не менее для отечественного читателя, а также для всех, кто изучает Россию, этот текст сохраняет свою непреходящую ценность. При

этом «Россия в 1839 году» достаточно многослойна — она имеет внутри себя множество сюжетов и допускает разные прочтения. Давайте кратко обозначим основные интерпретации книги, чтобы было понятно, чем будет отличаться от них прочтение Кюстина, предлагаемое в данной статье.

Самая очевидная (если не сказать — поверхностная) интерпретация представляет книгу как пасквиль на Россию и русских. Именно так заметки Кюстина были встречены русским официозом — не случайно книга была запрещена к публикации в России сразу после ее выхода¹ (хотя еще А. Герцен писал: «Я не знаю ни одного приличного дома, где бы не нашлось сочинения Кюстина» (Герцен, 1986а: 122)); так они до сих пор воспринимаются многими читателями, разделяющими консервативно-патриотические взгляды. Например, К. Мяло в своей обстоятельной статье, посвященной Кюстину, указывает на «роль маркиза в идеологическом — уместнее будет сказать мифологическом — обеспечении холодной войны против России» (Мяло, 1994). В этой связи она обращает внимание на «поспешное» переиздание книги во Франции в 1946 г., как и на выход американского издания в разгар маккартизма (1951 г.).

Другое популярное толкование сочинения А. де Кюстина видит в нем в первую очередь жесткую критику российской автократии. Как уже отмечалось, маркиз отправляется в Россию врагом конституционного строя, однако николаевский политический порядок его страшно разочаровывает. «Я ехал в Россию, — пишет он, — дабы отыскать там доводы против представительного правления, я возвращаюсь сторонником конституций» (Кюстин, 2008: 17). Исходя из этого, авторы предисловия к советской публикации Кюстина 1930 г. отмечают, что «книга явилась жесточайшим и безапелляционным приговором русскому самодержавию» (Гессен, Предтеченский, 1990: 20). Аналогичным образом С. Мироненко в перестроечном издании 1990 г., оговариваясь, что в книге французского маркиза много преувеличений и «несправедливых обвинений России и русского народа», полагает, что тот верно изобразил «язвы николаевской России», продемонстрировал, как «крабская система скрывала и уродовала великую страну» (Мироненко, 1990: 4–5). Похожую интерпретацию находим и у Н. Таньшиной (Таньшина, 2017). В свою очередь, для американского светолога Дж. Кеннана ценность книги — не столько в обличении николаевского правления как такового, сколько в том, что ее автор «прозрел» фундаментальные «качества власти и общества» в России. В книге, «словно бы написанной лишь вчера», видны «все столь знакомые черты сталинизма», а именно — неограниченная власть, закрепощение масс, «шпиономания» и пр. (Кеннан, 2006).

Есть исследования, которые выдвигают на первый план «нравственно-религиозный» аспект «кюстиновской концепции России» (Ощепков, 2011: 19), имея в виду критичный взгляд маркиза на Россию сквозь призму его религиозной доктрины — убежденности в том, что культурный прогресс общества невозможен вне католической церкви. В этом контексте сразу напрашиваются параллели между идеями Кюстина, с одной стороны, и взглядами французских католических философов (Ж. де Местра, Л. де Бональда) а также П. Чаадаева — с другой. Кстати говоря, не исключено, что с последним маркиз мог лично встречаться в Москве. По крайней мере, уезжая в путешествие, Кюстин получает от жившего в Париже А. Тургенева рекомендательные письма. В них Тургенев, среди прочего, просит своего друга П. Вяземского «передать... [Кюстина] Булгакову и Чаадаеву» (Кеннан, 2006).

Наконец, «Россия в 1839 году» можно рассматривать как пример ориенталистского текста, формирующего экзотический образ Другого. Академическую традицию ис-

следования такого рода текстов обычно возводят к работам Э. Саида, занимавшегося деконструкцией европейского дискурса о Востоке (Саид, 2006). Однако ориентализации подвергались не только общества за пределами Европейского континента. Скажем, А. Вульф анализировал, каким образом в эпоху Просвещения происходило «изобретение» концепта Восточной Европы, призванной служить «фоном, оттенявшим... [западноевропейскую] “цивилизованность”» (Вульф, 2003: 14). Нельзя не вспомнить и о работах И. Ноймана, показывавшего, что Россия в последние несколько столетий выступала для Европы преимущественно в двух ипостасях — как «варвар у ворот» и одновременно как вечный ученик, все время пытающийся стать частью цивилизованного мира. Иначе говоря, Россия (наряду с Турцией) была тем самым «значимым Другим», через противопоставление с которым Запад конституировал свою идентичность (Нойманн, 2004: 99–156). Элементы подобного ориенталистского подхода в книге Кюстина, конечно же, присутствуют — не зря французский славист Ж. Нива даже предлагает называть «кюстиновским» такой экзотизирующий, высокомерный взгляд на Россию как на «анти-Европу» — страну, чуждую европейским традициям, привычкам, культуре (этот же взгляд, по мнению Нивы, также характерен, например, для Вольтера или Ж. Мишле) (Нива, 1999: 61); имя маркиза упоминает и И. Нойманн (Нойманн, 2004: 132).

Итак, ненавистник России, критик деспотизма, ультрамонтан, высокомерный европеец с ориентализирующим взглядом... Все эти характеристики Кюстина, наверное, имеют право на существование, тем более что в пользу каждой из них можно при желании привести достаточно цитат из его книги. Он действительно писал, что русские «упиваются своим рабством», что Россия — это «империя страха», что католицизм — «единственная свободная религия», а «русские — это перереженные китайцы». «Россия в 1839 году» — текст весьма многоаспектный, поэтому цель предлагаемой статьи заключается не в опровержении каких-то устоявшихся толкований Кюстина, а в том, чтобы увидеть в книге еще один сюжет, обычно остающийся сугубо периферийным для читателя. Насколько можно судить, о нем вскользь упоминает лишь А. Герцен. Высоко оценив «Россию в 1839 году», Герцен записал в своем дневнике, что ее автор «на Петра Великого... смотрел с точки зрения славянофилов» (Герцен, 1905: 88). Замечание Герцена кажется парадоксальным (такой жесткий критик России, как Кюстин, в чем-то сходится с главными защитниками русской старины и самобытности!), но он его далее никак не развивает. Между тем внимательное прочтение книги Кюстина действительно позволяет сделать вывод о том, что многие его мысли относительно Петра и послепетровской России были созвучны размышлениям русских интеллектуалов того времени, в том числе людей славянофильской ориентации. Эта тема и станет предметом нашего дальнейшего рассмотрения.

КЮСТИН ПРОТИВ ПЕТРОВСКОЙ ПСЕВДОЦИВИЛИЗАЦИИ

Первым городом, который А. де Кюстин посетил во время своего российского путешествия, стал Санкт-Петербург. Отдельные места в столице Кюстину определенно понравились (например, он нашел красивыми гранитные набережные), но в целом город не произвел на него никакого впечатления. Главная претензия нашего автора к Петербургу заключалась в том, что в российской столице не чувствуется ничего национального — это город, «лишенный собственного лица», «выстроенный для несуществующего народа»; славянский характер жителей «не согласуется ни со стилем зданий, ни с расположением петербургских улиц», русский человек здесь смотрится

неорганично (Кюстин, 2008: 208–209). Для Кюстина петербургская архитектура является плодом поверхностного подражания, «пародией» на Грецию и Италию в стране, лишенной средиземноморского солнца: «римские колонны, карнизы, фронтоны и перистилы из белого гипса разбросаны под полярным небом», а античные статуи в «лапландских болотах» похожи на «пленных героев в стане врага» (там же: 108, 313).

Нас интересуют, конечно, не эстетические вкусы маркиза. Гораздо важнее, что подобной характеристикой Петербурга задается одна из генеральных линий всей книги: Кюстин опытным взглядом путешественника ищет то, что сможет заинтересовать его будущего читателя; это должно быть что-то оригинальное, аутентичное, специфически русское, но в ходе таких поисков француз регулярно натывается не на местный колорит, а на очередную реплику европейской культуры. И Петербург, о чуждости которого для «национальной» России любили рассуждать многие консерваторы от славянофилов до К. Леонтьева, является для Кюстина главным символом такого псевдоевропейского копирования, русского «европейничанья», как сказал бы Н. Данилевский. Кстати, прямо по-кюстиновски напишет о Петербурге уже в начале XX в. Д. Мережковский: «...все еще не европейский город, а какая-то огромная каменная чухонская деревня... Ежели он и похож на город иностранный, то разве в том смысле, как лакей Смердяков “похож на самого благородного иностранца”» (Мережковский, 2017: 6).

Показательно, что в Москве Кюстин испытывает уже другие эмоции: он отмечает «трепет», охвативший его при виде «колыбели современной Российской империи»; Москва кажется ему «самым живописным из всех городов» страны; местом, в котором «дремлют семена русской самобытности и независимости» (Кюстин, 2008: 395, 399, 451). Правда, все это не мешает Кюстину параллельно иронизировать по поводу долгожданной экзотики *à la russe* — вот, например, его высказывание о соборе Василия Блаженного: «...люди, которые приходят поклониться Богу в эту конфетную коробку, — не христиане!» (там же: 396).

Последний пункт короткого летнего путешествия француза — это Нижний Новгород (в планах еще была Казань, но от поездки пришлось отказаться из-за болезни). По пути Кюстин останавливается в Ярославле, где также надеется «отыскать наконец в России настоящих русских», но его снова ждет разочарование. Его приглашают на обед к губернатору, где он встречает все то же полувосточное высшее общество. Досада Кюстина (смягченная отчасти довольно приятным обедом) сродни той, что испытал по возвращению из-за границы Чадский: «Такой же толк у дам, такие же наряды...» — ярославские светские дамы обсуждают с маркизом последние парижские сплетни, французские книги, стараются продемонстрировать свою европейскую утонченность. «Я понял, — записывает Кюстин, — что с мечтой о боярах на сей раз придется расстаться» (там же: 521–522).

В итоге в описании Кюстина Россия предстает эдакой «империей-субалтерном»², если воспользоваться термином современного исследователя В. Морозова (Morozov, 2015). Это страна, которая чувствует себя великой державой, противостоит Европе, пытается утвердиться на Европейском континенте, но при этом полностью зависима от Запада в нормативном смысле — она постоянно соотносит себя с ним, пытается ему подражать, испытывает по отношению к нему комплекс неполноценности и, как настоящий субалтерн, не имеет собственного языка в прямом и переносном смысле слова (российское образованное общество говорит по-французски и имеет европоцентричное видение мира). Сам Кюстин так пишет об этом амбивалентном отношении

России к Западу: Россия соединяет в себе «беспомощную привычку подражать своим [европейским] соседям» и «тщеславное намерение их покорить» (Кюстин, 2008: 303). Поэтому-то русские, отмечает Кюстин, имеют какую-то гипертрофированную озабоченность тем, что о них подумают за границей (можно сказать, что крайне болезненная реакция в России на книгу Кюстина в известной мере подтверждает правоту этих слов).

Будучи не только субалтерном, но и империей, Россия имеет свои колонии и зависимые территории, в отношении которых она ощущает свою цивилизаторскую миссию, претендует на, чтобы «переводить европейскую цивилизацию для азиатов» (там же: 626). Проблема только в том, считает Кюстин, что сама Россия до сих пор не вполне усвоила эту самую цивилизацию. Мысль о тонком слое европейской культуры в России, сквозь который постоянно проступает азиатчина, является одним из рефренов книги. И тут важно подчеркнуть, что главным объектом критики Кюстина выступает все-таки не Россия как таковая, но российская претензия на европейскость, европейский «фасад», за которым скрываются совсем незападные взаимоотношения власти и общества, а также внутренние основания жизни людей. Вернемся еще раз к впечатлениям Кюстина о Петербурге и приведем одну знаковую цитату: «Петр I выстроил для своих бояр ложу с видом на Европу; заперев в бальной зале своих скованных по рукам и ногам вельмож, он позволил им издали и с завистью взирать в лорнет на цивилизацию, *усвоить которую им было запрещено*» (там же: 311; курсив мой. — Д. А.).

Как можно видеть, Кюстин, будучи слабо погруженным в российский культурный контекст, оказывается тем не менее конгениальным множеству отечественных интеллектуалов той эпохи в их констатации «верхушечности» петровской вестернизации, которая породила какую-то искаженную форму псевдоцивилизации³. Сравним рассуждения Кюстина с герценовской характеристикой представителей образованного класса в России как «амфибий», «которые, не умея *ни сохранить свое варварское состояние, ни усвоить цивилизацию*, только одни и удерживаются на официальной поверхности русского общества» (Герцен, 2012: 129; курсив мой. — Д. А.), или с горьким эпитетом А. Грибоедова в адрес людей его круга: «поврежденный класс полу-европейцев» (Грибоедов, 1959: 388).

Главный вред произведенного Петром I переворота, полагает Кюстин, заключался в том, что русские оказались лишены своего национального характера. Царь попытался построить европейскую Россию с чистого листа, забыв, что «для воспитания цивилизованного народа нужна многовековая память». Петр, которого Кюстин из «Великого» предлагает переименовать в «Нетерпеливого», «вознамерился разом похитить у Европы готовые плоды цивилизации, вместо того чтобы смиренно высевать ее зерна в свою собственную землю» (Кюстин, 2008: 311, 629–630). Удивительная схожесть с рассуждениями славянофила И. Аксакова: «Устремившись из своей тесной национальной ограды в пролом, сделанный мощною рукою Петра, русское общество, сбитое с толку, с отшибленной исторической памятью... заторопилось жить чужим умом, даже не будучи в состоянии себе его усвоить... Чужой критерий, чужое мерило, чужие формы, чужое мирозерцание. Жизнь наводнилась ложью, призраками, абстрактами, подобиями, фасадами» (Аксаков, 1981: 266) («царство фасадов» — один из самых известных кюстиновских эпитетов для России).

Вполне в духе славянофилов Кюстин критикует многие реформы Петра. Например, он замечает, что «две палаты — единственные учреждения, которые могли дать

жизнь русской свободе, — были уничтожены именно этим государем» (Кюстин, 2008: 496). По всей видимости, здесь Кюстин, знакомый с русской историей по переводам на французский Н. Карамзина, имеет в виду Боярскую думу и Земский собор, рассматривая их как органы представительства аристократии и более демократических элементов соответственно. Ликвидация «двух палат» является для Кюстина примером элиминации аутентичных ростков цивилизации в России ради кратковременного военного успеха и усиления внешнеполитического влияния страны. Такая односторонняя и к тому же принудительная европеизация⁴ без «той внутренней работы, которая образует великие нации», не могла по-настоящему сблизить Россию с Европой, при этом она лишила Россию и импульсов для саморазвития. Поэтому-то, замечает Кюстин, в Петре надо видеть «скорее заклятого врага шведов, нежели преобразователя России» (там же: 628, 496).

Довольно сложно понять, какую культурную идентичность Кюстин предполагает для России. Она предстает в его описаниях то симбиозом Востока и Запада, своеобразным фронтиром Европы, похожим на Испанию с ее сильным арабским влиянием («буржуазная Германия и поныне более чужда России, нежели Испания с ее народами, в чьих жилах течет арабская кровь» (там же: 211)); то просто Востоком; еще одна используемая Кюстином формулировка — «христианский Восток» (там же: 393). Но, во всяком случае, для него очевидно, что Россия — это страна, чье историческое развитие шло иначе, нежели в Западной Европе, и потому развиваться она должна на своих самобытных началах.

*«ВОССТАНОВИТЬ СВЯЗЬ СТРАНЫ С ЕЕ ДРЕВНЕЮ
ИСТОРИЕЙ...»*

Как было отмечено, диагноз, который ставит Кюстин постпетровской России («фасадная», неподлинная европеизация), во многом сблизил западников и славянофилов. Однако рецепт выхода из этой псевдоцивилизации французский писатель предлагает скорее в духе зарождающегося в тот момент лагеря отечественных самобытников (напомню, что классический период полемики этих двух направлений — это 1840-е гг.).

России «следовало бы остановиться, — пишет Кюстин, — и начать все сызнова, но возможно ли такое усилие?» И сам отвечает, что нет: «Как бы искусственно оно ни было, недавнее приобщение к цивилизации уже принесло Российской империи реальные плоды, которых не отменить никакой земной власти». И тем не менее француз пишет о необходимости совершить новую революцию сверху, вернув Россию на ее самобытный путь: «...восстановить связь страны с ее древней историей, обусловленную ее исконным характером» (там же: 630).

Как настоящий консерватор (а на Кюстина большое влияние оказали, в частности, де Местр и Шатобриан), он убежден, что с прошлым нужно считаться. Только опора на «национальный дух во всей его самобытности» поможет развить истинный потенциал народа, развить таланты и продвинуть русских в направлении не верхушечной, а подлинной цивилизованности. В противном случае русские будут обречены на роль простых ремесленников, вечно копирующих чужую культуру (там же: 630, 261). Все эти рассуждения соответствовали популярным в то время идеям о «духе народа», который определяет его самобытность в разных сферах жизни, от искусства и наук до политического строя, и в опоре на который только и возможно органичное национальное развитие.

Задача возвращения «к себе», говорит Кюстин, даже более сложная и масштабная, чем петровские реформы, но нынешний царь (маркиз имел с ним ряд личных бесед во время пребывания в Петербурге) все же пытается двигаться в этом направлении: «Император Николай первым начинает идти против течения, возвращая русских к самим себе... Воссоздать из той России, какой оставил ее император Александр, после таких царствований, каковы были царствования Екатерины и Павла, — русскую империю, говорить и думать по-русски, признаться, что ты русский душою, оставаясь при том во главе двора, где вельможи наследуют фаворитам *Северной Семирамиды*, — это ли не доблесть!» (там же: 312; курсив источника. — Д. Л.).

По всей видимости, на Кюстина произвели такое впечатление процессы «национализации» Российской империи, которые как раз начинаются в николаевское царствование: попытка самодержавия (особенно после Польского восстания 1830–1831 гг.) в какой-то мере усвоить язык национализма, подчеркнуть свою связь с «народностью» (слово, изобретенное П. Вяземским как раз в то время (Миллер, 2012)), постулирование знаменитой уваровской триады, желание царя заставить двор говорить по-русски (Кюстин язвительно описывает, с каким трудом переход на русский дается светским дамам) и т. д. Автор «России в 1839 году» придал всем этим процессам излишне большое значение, объявив даже, что Николай — это «первый истинно русский государь, правящий Россией начиная с Ивана IV» (Кюстин, 2008: 303).

Во вполне славянофильском духе Кюстин высказывает мысль о желательности обратного переноса столицы в Москву как символа возвращения страны к своим корням — доказательства того, что «наконец-то русский народ сможет зажечь собственной жизнью» (там же: 311, 451). Все это, безусловно, перекликается с призывами И. Аксакова к «возвращению домой» («Да, в Москву, в Москву призывает теперь своего Царя вся Россия!.. Пора домой!» (Аксаков, 2009: 113)), как и в целом с попытками славянофилов найти внутри русского общества какие-то основания для аутентичного развития (община, православная вера, особые отношения между «Землей» и «Властью» и пр.), лишняя раз иллюстрируя духовное родство между славянофильством и европейским консерватизмом в целом ряде аспектов (Межуев, 2011). Хотя, с другой стороны, было бы неправильно полагать, что проблематика национального поворота волновала исключительно русских самобытников, — скажем, для западника А. Герцена (вернее будет, конечно, назвать его человеком, попытавшимся синтезировать идеи славянофилов и западников) тезис о разрыве между «официальной» европеизированной Россией и Россией народной был одним из ключевых в его идейных исканиях⁵.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В статье была предпринята попытка проанализировать книгу Астольфа де Кюстина «Россия в 1839 году» с непривычного ракурса, продемонстрировав схожесть многих его наблюдений и выводов относительно послепетровской России с размышлениями отечественных интеллектуалов того времени, в том числе представлявших славянофильский лагерь.

Устоявшийся взгляд на Кюстина как на русофоба кажется автору односторонним. Спору нет, француз — наблюдатель, склонный к резкому, часто эпатажному тону, порой он действительно высокомерен и категоричен по отношению ко всему русскому (например, он, особенно не разобравшись, отказывает во всякой оригинальности поэтическому дару Пушкина (Кюстин, 2008: 266–267)). Но наиболее едкой критике в его книге подвергается все же не Россия как таковая, а тот «фасадный», во

многом формальный европеизм, зачинателем которого выступил Петр I. Для Кюстина главная проблема русских заключается не в том, что они недостаточно похожи на европейцев, а в том, что они «гораздо более озабочены тем, чтобы заставить нас поверить в свою цивилизованность, нежели тем, чтобы стать цивилизованными на самом деле» (там же: 260). Получается, что, перестав быть варварами, русские в массе своей не смогли и приобщиться к настоящей цивилизации, внутренне усвоить ее, интериоризировать. Вот это межумочное состояние, которое стало предметом горькой рефлексии для целого ряда российских мыслителей, начиная еще с Н. Карамзина и П. Чаадаева, Кюстину удалось точно «схватить» во время его недолгого путешествия. В интеллектуальных дискуссиях того времени обсуждались две главные альтернативы «полуцивилизованному» состоянию страны — движение к русской Европе (т. е. подлинный синтез европейского и национального) или же к национальной России («возврат к корням»). И Кюстину, который был консерватором по убеждениям, сторонником Старого порядка и ревностным католиком, конечно же, больше импонировал самобытный вектор обращения к собственной истории и традициям.

Наконец, стоит сказать, что, скептически оценивая настоящее России, Кюстин не ставил крест на ее перспективах. Более того, он повторял весьма распространенную в то время идею о великой будущности двух «молодых» народов, русского и американского: «Этой стране [России], которую наши нынешние мыслители долгое время не принимали в расчет из-за ее чрезвычайной отсталости, суждено такое же — если не более — великое будущее, как пересаженному в американскую почву английскому обществу» (там же: 77). Так что отношение Кюстина к России было довольно сложным и неоднозначным, не случайно московский почт-директор А. Булгаков написал после знакомства с его книгой: «И черт его знает, какое его истинное заключение, то мы первый народ в мире, то мы самый гнуснейший!» (Мильчина, 2008: 725).

Завершая статью, хочется отметить, что взвешенное и непредвзятое прочтение «России в 1839 году» позволяет нам еще раз обратиться к ключевым вопросам российской истории и идентичности, которые не теряют своей актуальности и сегодня — это ощущение своей «субальтерности», периферийности в отношении Запада, парадоксальное соединение чувства превосходства и комплекса неполноценности перед лицом Европы, проблема частичной модернизации и поверхностной европеизации, традиции которой были заложены Петром⁶. Таким образом, книга Кюстина — это как раз тот случай, когда взгляд со стороны помогает лучше понять самих себя.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Отдельные части книги впервые появились на русском языке только в 1891 г.

² Понятие “subaltern” (дословно — «подчиненный») заимствовано из постколониальной теории, где оно относится к обездоленным, маргинализированным индивидам и группам, чья субъектность ограничена и кто находится в подчиненном положении во властной иерархии.

³ А. А. Кара-Мурза убедительно показал, что при всей разности позиций западников и славянофилов их объединяло неприятие этой псевдоцивилизации, которая была для них примером непродуктивного синтеза Азии и Европы (для обозначения этого «дурного» синтеза российский философ использует термин «Азиопа», принадлежащий П. Миллюкову). Разница была в том, что западники противопоставляли «Азиопе» идеал настоящей русской Европы, а славянофилы — самобытной России. См.: Кара-Мурза, 1995.

⁴ Ее суть точно передал М. Волошин в своем стихотворении «Китеж»: «Антихрист-Петр распаренную глыбу / Собрал, стянул и раскачал, / Остриг, обрил и, вздернувши на дыбу, / Накам книжным обучал».

⁵ См. такие его работы, как «С того берега», «О развитии революционных идей в России», «Русский народ и социализм» и т. д. В частности, обращает на себя внимание следующая характеристика Герцена в отношении николаевского правительства: «тупой и мертвящий деспотизм», который не догадывается «о своем национальном призвании» (Герцен, 1986b: 162).

⁶ Как тут не вспомнить хрестоматийную формулировку В. Ключевского о том, что Петр «хотел, чтобы раб, оставаясь рабом, действовал сознательно и свободно» (Ключевский, 1989: 203).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аксаков, И. С. (1981) Речь о А. С. Пушкине // Аксаков, К. С., Аксаков, И. С. Литературная критика / авт. предисл., сост. коммент. А. С. Курилов. М.: Современник. 383 с. С. 263–280.

Аксаков, И. С. (2009) «Пора домой!» // Славянофильство: pro et contra: творчество и деятельность славянофилов в оценке современников: антология / сост., вступ. ст., коммент., библиогр. В. А. Фатеев. 2-е изд. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та. 1054 с. С. 113–116.

Вульф, Л. (2003) Изобретая Восточную Европу: карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения / пер. И. Федюкин. М.: НЛО. 548 с.

Герцен, А. И. (1905) Дневник с 25 марта 1842 г. // Сочинения А. И. Герцена и переписка с Н. А. Захарьиной: в 7 т. СПб.: Типография Ю. Н. Эрлих. Т. 6. 400 с. С. 4–166.

Герцен, А. И. (1986a) О развитии революционных идей в России // Герцен, А. И. Сочинения: в 2 т. / общ. ред. А. И. Володина, З. В. Смирновой. М.: Мысль. Т. 2. 656 с. С. 118–153.

Герцен, А. И. (1986b) Русский народ и социализм // Герцен, А. И. Сочинения: в 2 т. М.: Мысль. Т. 2. 656 с. С. 154–182.

Герцен, А. И. (2012) О развитии революционных идей в России. М.: Директ-Медиа. 233 с.

Гессен, С., Предтеченский, А. (1990) Маркиз де Кюстин и его мемуары. Вступительная статья // Маркиз Астольф де Кюстин. Николаевская Россия. М.: Изд-во политической литературы. 350 с. С. 15–47.

Грибоедов, А. С. (1959) Загородная поездка (отрывок из письма южного жителя) // Грибоедов, А. С. Сочинения / подгот. текста, предисл. и коммент. В. Орлова. М.—Л.: Гослитиздат. 784 с. С. 386–389.

Кара-Мурза, А. А. (1995) «Новое варварство» как проблема российской цивилизации. М.: ИФ РАН. 209 с.

Кеннан, Дж. (2006) Маркиз де Кюстин и его «Россия в 1839 году» / пер. и комментарий Д. Соловьева. М.: РОССПЭН [Электронный ресурс] // Litmir. URL: https://www.litmir.me/br/?b=202737&p=1#section_1 (дата обращения: 10.05.2020).

Ключевский, В. О. (1989) Сочинения: в 9 т. М.: Мысль. Т. 4. 398 с.

Кюстин, А. (2008) Россия в 1839 году / пер. О. Гринберг, С. Зенкина, В. Мильчиной, И. Стаф. СПб.: Крига. 704 с.

Межуев, В. М. (2011) «Русская идея» и цивилизационные особенности Русского мира // Русский мир как цивилизационное пространство / ред.-сост. А. Ф. Яковлева. М.: ИФ РАН. 301 с. С. 9–49.

Мережковский, Д. С. (2017) Зимние радуги // Больная Россия. Эссе. М.: Юрайт. 181 с. С. 4–11.

Миллер, А. (2012) История понятия «нация» в России [Электронный ресурс] // Отечественные записки. №1 (46). URL: <http://www.strana-oz.ru/2012/1/istoriya-ponyatiya-naciya-v-rossii> (дата обращения: 13.05.2020).

Мильчина, В. (2008) Несколько слов о маркизе де Кюстине, его книге и ее первых русских читателях // Кюстин, А. Россия в 1839 году. СПб.: Крига (дополнительный том). 1071 с. С. 709–725.

Мироненко, С. М. (1990) Голос из прошлого. Предисловие ко второму изданию // Маркиз Астольф де Кюстин. Николаевская Россия. М.: Изд-во политической литературы. 350 с. С. 3–14.

Мяло, К. Г. (1994) Хождение к варварам, или вечное путешествие маркиза де Кюстина [Электронный ресурс] // Россия XXI. №4–5. С. 68–94. URL: <http://www.pseudology.org/Literature/HozhdenieMyalo.htm> (дата обращения: 24.04.2020).

Нива, Ж. (1999) Возвращение в Европу. Статьи о русской литературе / пер. Е. Э. Ляминой. М. : Высшая школа» 303 с.

Нойманн, И. (2004) Использование «Другого». Образы Востока в формировании европейских идентичностей / пер. с англ. В. Литвинова и И. Пильщикова. М. : Новое издательство. 335 с.

Ощепков, А. Р. (2011) Панкатолицизм А. де Кюстина и образ России в его книге «Россия в 1839 году» // Религиоведение. №2. С. 19–26.

Саид, Э. (2006) Ориентализм. Западные концепции Востока / пер. с англ. А. В. Говорунова. СПб. : Русский мир. 637 с.

Таньшина, Н. П. (2017) Образ императора Николая I в представлениях современных французов // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. №10 (1). С. 92–101.

Токвиль, А. (1992) Демократия в Америке / пер. В. П. Олейника, Е. П. Орловой, И. А. Малаховой, И. Э. Иванян, Б. Н. Ворожцова. М. : Прогресс. 559 с.

Malta, M. (1999) *Russian under Western Eyes. From the Bronze Horseman to the Lenin Mausoleum*. Cambridge; London, The Belknap Press of Harvard University Press. 528 p.

Morozov, V. (2015) *Russia's Postcolonial Identity. A Subaltern Empire in a Eurocentric World*. Palgrave Macmillan. 217 p.

Дата поступления: 19.05.2020 г.

“RUSSIA CREATED BY PETER THE GREAT CAN NEITHER LIVE NOR LEARN, RELYING ON ITSELF”:
A. DE CUSTINE AS A CRITIC OF PETRINE EUROPEANIZATION

D. E. LETNYAKOV
RAS INSTITUTE OF PHILOSOPHY

The paper analyzes A. de Custine's famous book “Russia in 1839”. It is shown that, apart from some mainstream interpretations of this work (as an example of orientalist literature, as a lampoon criticizing Russia and Russian political orders, etc.), a completely different interpretation is also possible.

The author demonstrates that Custine was congenial to many Russian intellectuals of his time, including the Slavophiles in their characterization of Peter the Great and the post-Petrine Russia. Custine's strongest criticism is directed, first of all, not to Russia as such, but to the “façade” Europeanization, which hides completely non-Western relations between the government and the people, as well as the internal foundations of people's lives.

As a conservative, Custine is convinced that the only way to overcome this pseudo-civilization is the reliance on the “national spirit in all its originality”, and this was the Slavophiles' “return to the roots” discourse. In addition, the French writer accurately grasped many aspects of Russia's ambivalent attitude towards the West, still of relevance today: the combination of an inferiority complex with a sense of superiority, a desire to confront Europe and complete dependence on it in a normative sense (West as a ‘significant Other’ for Russia and a key reference point of most Russian intellectual discussions), etc.

Therefore, a new reading of Custine's book allows us to address once again the key issues of Russian identity and historical development.

Keywords: A. de Custine; Russia; Europe; Slavophiles; Westerners; westernization; Russian identity; subaltern empire

REFERENCES

Aksakov, I. S. (1981) Rech' o A. S. Pushkine. In: K. S. Aksakov and I. S. Aksakov. *Literaturnaia kritika* / ed. by A. S. Kurilov. Moscow, Sovremennik. 383 p. Pp. 263–280. (In Russ.).

Aksakov, I. S. (2009) “Pora domoi!”. In: *Slavianofil'stvo: pro et contra. Antologiya* / ed. by V. A. Fateev. Saint-Petersburg, Saint-Petersburg University Publ. 1054 p. Pp. 113–116. (In Russ.).

Gertsen, A. I. (1905) Dnevnik s 25 marta 1842 goda. In: *Sochineniia A. I. Gertsena i perepiska s N. A. Zakhar'inoi*. In 7 vol. Saint-Petersburg, Tipografiia Iu. N. Erlikh. Vol. 6. 400 p. Pp. 4–166. (In Russ.).

- Gertsen, A. I. (1986a) O razvitií revoliutsionnykh idei v Rossii. In: Gertsen A. I. *Sochineniia*. In 2 vol / ed. by A. I. Volodin, Z. V. Smirnova. Moscow, Mysl'. Vol. 2. 656 p. Pp. 118–153. (In Russ.).
- Gertsen, A. I. (2012) *O razvitií revoliutsionnykh idei v Rossii*. Moscow, Direkt-Media. 233 p. (In Russ.).
- Gertsen, A. I. (1986b) Russkii narod i sotsializm. In: A. I. Gertsen. *Sochineniia*. In 2 vol. Moscow, Mysl'. Vol. 2. 656 p. Pp. 154–182. (In Russ.).
- Gessen, S. and Predtechenskii, A. (1990) Markiz de Kiustin i ego memuary. Vstupitel'naia stat'ia. In: *Markiz Astol'f de Kiustin. Nikolaevskaia Rossiia*. Moscow, Izdatel'stvo politicheskoi literatury. 350 p. Pp. 15–47. (In Russ.).
- Griboedov, A. S. (1959) Zagorodnaia poezdka (otryvok iz pis'ma iuzhnogo zhitelia). In: Griboedov A. S. *Sochineniia* / ed. by V. Orlov. Moscow — Leningrad, Goslitizdat. 784 p. Pp. 386–389. (In Russ.).
- Kara-Murza, A. A. (1995) “*Novoe varvarstvo*” kak problema rossiiskoi tsivilizatsii. Moscow, RAS Institute of Philosophy. 209 p. (In Russ.).
- Kennan, J. (2006) *The Marquis de Custine and His “Russia in 1839”* / transl. by D. Solov'ev. Moscow, ROSSPEN. [online] Available at: https://www.litmir.me/br/?b=202737&p=1#section_1 (accessed: 10.05.2020). (In Russ.).
- Kiustin, A. (2008) *Rossiiia v 1839 godu* / transl. by O. Grinberg, S. Zenkin, V. Mil'china, I. Staf. Saint-Petersburg, Kriga. 704 p. (In Russ.).
- Kliuchevskii, V. O. (1989) *Sochineniia*. In 9 vol. Moscow, Mysl'. Vol. 4. 398 p. (In Russ.).
- Malia, M. (1999) *Russian under Western Eyes. From the Bronze Horseman to the Lenin Mausoleum*. Cambridge; London: The Belknap Press of Harvard University Press. 528 p.
- Mezhuev, V. M. (2011) “Russkaia ideia” i tsivilizatsionnye osobennosti Russkogo mira. *Russkii mir kak tsivilizatsionnoe prostranstvo* / ed. by A. F. Iakovleva. Moscow, RAS Institute of Philosophy. 301 p. Pp. 9–49 (In Russ.).
- Merezhkovskii, D. S. (2017) Zimnie radugi. In: Merezhkovskii D. S. *Bol'naia Rossiia*. Esse. Moscow, Iurait. 181 p. Pp. 4–11. (In Russ.).
- Mialo, K. G. (1994) Khozhdenie k varvaram, ili vechnoe puteshestvie markiza de Kiustina. *Rossiiia XXI*, no. 4–5, pp. 68–94. [online] Available at: <http://www.pseudology.org/Literature/HozhdenieMyalo.htm> (accessed: 24.04.2020). (In Russ.).
- Mil'china, V. (2008) Neskol'ko slov o markize de Kiustine, ego knige i ee pervykh russkikh chitateliakh. In: Kiustin, A. *Rossiiia v 1839 godu*. Saint-Petersburg, Kriga. Additional vol. 1071 p. Pp. 709–725. (In Russ.).
- Miller, A. (2012) Istoriia poniatii “natsiia” v Rossii. *Otechestvennye zapiski*, no. 1(46) [online] Available at: <http://www.strana-oz.ru/2012/1/istoriya-ponyatiya-naciya-v-rossii> (accessed 13.05.2020). (In Russ.).
- Mironenko, S. M. (1990) Golos iz proshlogo. Predislovie ko vtoromu izdaniuu. In: Markiz Astol'f de Kiustin. *Nikolaevskaia Rossiia*. Moscow, Political Literature Publ., pp. 3–14. 350 p. (In Russ.).
- Morozov, V. (2015) Russia's Postcolonial Identity. A Subaltern Empire in a Eurocentric World. London: Palgrave Macmillan. 217 p.
- Neumann, I. (2004) *Uses of the Other: “The East” in European Identity Formation* / transl. by V. Litvinov, I. Pil'shchikov. Moscow, Novoe izdatel'stvo. 335 p. (In Russ.).
- Niva, J. (1999) *Vozvrashchenie v Evropu. Stat'i o russkoi literature* / transl. by E. E. Liamina. Moscow, Vysshiaia shkola. 303 p. (In Russ.).
- Oshchepkov, A. R. (2011) Pankatolitsizm A. de Kiustina i obraz Rossii v ego knige “Rossiiia v 1839 godu”. *Religiovedenie*, no. 2, pp. 19–26. (In Russ.).
- Said, E. (2006) *Orientalizm* / transl. by A. V. Govorunov. Saint-Petersburg, Russkii mir. 637 p. (In Russ.).
- Tan'shina, N. P. (2017) Obraz imperatora Nikolaia I v predstavleniakh sovremennykh frantsuzov. *Vestnik RGGU. Serii: Literaturovedenie. Iazykoznanie. Kul'turologiia*, no. 10 (1), pp. 92–101. (In Russ.).

Tocqueville, A. (1992) *Democracy in America* / transl. by V. P. Oleinik, E. P. Orlova, I. A. Malakhova, I. E. Ivanian, B. N. Vorozhtsov. Moscow, Progress. 559 p. (In Russ.).

Wolff, L. (2003) *Inventing Eastern Europe: A Map of Civilization in the Consciousness of the Enlightenment* / transl. by I. Fediukin. Moscow, NLO. 548 p. (In Russ.).

Submission date: 19.05.2020.

Летняков Денис Эдуардович — кандидат политических наук, старший научный сотрудник сектора истории политической философии Института философии РАН. Адрес: 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1. Тел.: +7 (495) 697-91-89. Эл. адрес: letnyakov@mail.ru

Letnyakov Denis Eduardovich, Candidate of Political Science, Senior Research Fellow, Sector of History of Political Philosophy, RAS Institute of Philosophy. Postal address: 12, Bldg. 1 Goncharnaya Str., Moscow, Russian Federation, 109240. Tel.: +7 (495) 697-91-89. E-mail: letnyakov@mail.

DOI:10.17805/zpu.2020.3.10

Самотворчество как восхождение в «горный мир»: духовная практика Плотина

А. А. ГОРЕЛОВ

ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ РАН,

Т. А. ГОРЕЛОВА

МОСКОВСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Данная статья продолжает серию работ о значении самотворчества (СТ) в культуре. В ней рассматривается становление системной духовной практики СТ в учении неоплатоника Плотина. Если античное «поле» самоизменения имело две «координаты» регуляции — тело и душу (разумность как высшее ее свойство относилась к душе), то Плотин первым в истории начал строить СТ как систему духовной практики в трехмерной системе координат — тело, душа, дух. Доктринальная цель Плотина — перешагнуть за рамки рационального поиска истины в широкую область Единого как Блага в мистическом акте беспредельного самоуглубления, а практическое движение «по оси» духа опиралось у него на аскезу, доходящую до «отказа» от тела. Античная «забота о себе» проявляется у Плотина как бегство от зла и поиск своей подлинной родины, которая находится в глубинах души.

Плотиновская идея борьбы телесности против возвышения души отвечает на вопрос, которому более 2000 лет: если высший мир так прекрасен и пребывать в нем — счастье, почему же только единицы имеют силы шагнуть в него? В материальном мире движение «творчество — поиск истины — поиск смысла (идеала)» не является системным и целостным: можно хотеть одного, а результат получить совсем другой. Плотин убедительно показывает, что духовное творчество, и в большей степени СТ, целесообразно по своей природе, потому что приводит человека к его глубинному «Я». Неизреченность духовной тайны рано или поздно разрывает привычную оболочку повседневности и заставляет шагнуть в неизведанный мир духа.

Ключевые слова: самотворчество; творчество; душа, благо; Античность; неоплатонизм; Плотин; духовная практика; духовное восхождение